

Маланья -- голова баранья (Лесков)

Лесков Н. С.

Маланья — голова баранья

Собр.соч. в 5 тт. т. 5. М. «Правда» 1981.

В одном глухом и отдаленном от городов месте была большая гора, поросшая дремучим лесом. У подошвы горы текла река, и тут стояло селение, где жили зажиточные рыболовы и хлебопашцы. От этого селенья шла через лес дорожка в другую деревню, а на этой дорожке в стороне на полянке стояла избушка, в которой жила бедная женщина по имени Маланья, а по прозвищу «Голова баранья». Так прозвали ее потому, что считали ее глупою, а глупою ее почитали за то, что она о других больше, чем о себе, думала. Если, бывало, кто-нибудь попросит о таком, что нельзя сделать без того чтобы лишить себя каких-нибудь выгод, то такому человеку говорили:

— Оставь меня в покое; мне это не выгодно — вон там на пригорке живет Маланья-голова баранья: она не разбирает, чтоб ей выгодно и чтоб невыгодно, — ее и попроси, — она, небось, сделает.

И человек шел на пригорок и просил у Маланьи, и если она могла ему сделать, о чем он просил, — то она делала, а если не могла, то приветит, да приласкает и добрым словом утешит, — скажет:

— Потерпи, — Христос терпел и нам велел.

У Маланьи избушка была крошечная, так что только можно было повернуться около печечки, а жили здесь с нею сухорукий мальчик Ерашка, да безногая девочка Живулечка сидела на хромом стуличке.

Оба они были не родня Маланье-голове бараньей, а чужие, — родных их разбойники в лесу закололи, а их бросили; поселяне их нашли и стали судить — кому бы их взять? Никому не хотелось брать безрукого да безногую, — никогда от них никакой пользы не дождешься, а Маланья услышала и говорит:

— Это вы правду, добрые мужички, говорите: без рук, без ног ничего не обработаешь, а пить-есть надобно: давайте мне Ерашку с Живулечкой.

Случается, что мне одной есть нечего — тогда нам вдвоем веселей терпеть будет.

Мужички захохотали.

— Беззаботная, — говорят, — Маланья, — прямая ты голова баранья, — и отдали ей и Ерашку, и девочку Живулечку.

А Маланья их привела и оставила у себя жить.

Живут часом с квасом, а порою с водою. Маланья ночь не спит: то богатым бабам пряжу прядет, то мужикам вязенки из шерсти вяжет, и мучицы, и соль заработает, и хворосту по лесу наберет — печку затопит и хлеба спечет, и сама поест, и Ерашку с Живулечкой покормит.

Сошлись перед вечером у колодца домовитые бабы и спрашивают Маланью:

— Как ты, Маланья-голова баранья, с ребятишками прокуратничаешь?

— А все хорошо, слава Богу, — отвечает Маланья.

— Чем же хорошо? ведь они у тебя несчастные!

— А тем, бабоньки, и хорошо, что они несчастные, — что на их долю немного нужно. Если бы они были посчастливее да позадачливей, — мне бы не послужить ими Господу Богу, а как они плохие да бездомные, что я им ни доспею — все это для них лучше того, как если бы я их не приняла да об них не подумала.

Покивали бабы головами и говорят:

— А ты еще вперед-то подумала ли: что с ними будет?

— Нет, — говорит Маланья: — я об этом не думала.

— Да как же так можно? Надо всегда о переду думать!

А Маланья отвечает:

— Что пользы думать о том, чего знать невозможно, даст Бог день — даст и пищу на день, а ночью нам всем есть покой на печечке.

— И то правда, — сказали бабы, — они — плохие, — может быть, и умрут скоро на твоё счастье! А Маланья руками замотала.

— Что вы! что вы! — говорит, — зачем смерть звать: я ее к себе на порог не хочу — пусть она за дверьми присохнет.

Домовитые бабы распотешились и рассмеялись:

— Ну, Маланья, — говорят, — голова баранья, — да какая же ты удалая да смешная: саму смерть у порога засушить хочет.

Пошла Маланья к Ерашке с Живулечкой — понесла им водицы напиться дать и ее согреть в горшке, да головенки вымыть у припечка, а бабы стоят у колодца, — вслед ей смотрят и пересмеиваются. А к ним из лесу выходит старый старичок, на две клюки опирается.

— Бабоньки, — говорит, — кто у вас тут есть на селе жив человек, что пускает к себе неимущего путника?

А бабы ему отвечают:

— А ты чей человек и как тебя звать по отчеству?

Старик отвечает:

— Странник я света божьего, и имя мне Живая Душа на костыльках; приустал в пути да уснуть хочу

— Мы не знаем тебя, — отвечали бабы, — и пустить к себе без мужиков не смеем, а мужики у нас строгие да грозные — придут, заругают нас.

— Что же, вы, видно, своих мужиков больше Бога боитесь. Бог-то, ведь, велел принять и покормить неимущего.

Бабы отвечают:

— И то правда твоя, странничек: Божье слово помним, а человеческого боимся.

Живая Душа покачала головой и говорит:

— А ведь это, бабоньки, по худу быть — так бы ведь вовсе не надобно. Пойду к самим мужикам: у них попрошусь.

Пошел к мужикам, и мужики его не пустили.

— Кто тебя знает, — сказали, — может быть, ты слабым прикинулся и сам разузнать хочешь, где у нас дорогое добро лежит, да вора́м открыть, а может быть, у тебя на теле прыщи да вереды, а у нас избы чистые и полы стланные — иди-ка по тропиночке в гору, там есть бедная избушка — в ней живет Маланья-голова баранья, она всех пускает и тебя пустит.

— Спасибо вам, добрые хозяева, — отвечал старичок Живая Душа и пошел к Маланье.

А Маланья увидела его из окна и послала безрукого Ерашку, чтобы звать его ужинать.

Ерашка добежал к старику и кричит:

— Иди-ко-сь, дедко: тетушка Маланья наварила горшок снытки, сольцой посолила, зовет тебя ужинать.

Старик Живая Душа погладил Ерашку по голове.

— И то, — говорит: — к вам иду. Другие-то не пускают.

И только влез в избу, — тесно стало и сесть не чем, а Маланья говорит:

— Садись, дедушка, со ребятками ешь, а я постою. Сел дедко и поужинал, и заговорил по-учтивому и по-ласковому.

— Спасибо, — говорит, — тебе, что не спросила, откуда я и как меня звать по имени, а посадила хлеба есть. Я теперь пойду в лес — у тебя тесно — всем нам лечь негде.

— Что ты! что ты! Живая Душа божия! В лесу медведи и волки ходят — разве я тебя ночью туда выпущу! Всем место будет. Вот Ерашка на печку, а Живулечка за печку, а ты тут протянись, где простор опростается, а мне мое место найдется.

— Ну, будь по-твоему, — сказал старик, а сам думает «Где же это ей-то самой место будет?»

Лег, покрылся своей ветошью, да и уснул с одного вздоха от усталости, а после третьих петухов проснулся — и видит Маланья стоит на ногах и прядет кудель, которая у нее на колочек под потолком приткнута,

Посмотрел на нее старик одним глазком и говорит:

— Да ведь это ты, тетка, должно быть, и не ложилась.

А Маланья отвечает:

— Да мне, Живая Душа, и не хотелось.

Старик покачал головой и говорит:

— Ну-ну-ну! Водил, водил меня Господь долго по свету; думал я, что позабыл он меня и покинул, а он привел меня в отрадное место и сподобил узреть

любовь чистую. Скажи теперь мне за то в одно слово, что у тебя есть в желании — и тебе то у Бога и выпрошу.

А Маланья говорит-

— Что мне недостает? я и так всегда радостна, а желаю только, чтобы смерть моего порога не переступала, а если придет, так чтобы за дверью присохла.

Старик отвечает:

— Что ж, — так и будет.

Ушел старик, а смерть вот же тут и жалуется; наряжена богатой казачкой в парчовом шугае с золотою пикою, юбка штофная, на боку стальная коса на золотой цепочке, чеканной на манер мертвых костей человеческих, вся рожа накрашена, черные зубы во рту белым платочком заслоняет и в избу просится.

— Покажи, — говорит, — мне детушек-голубятушек, я им принесла по медовому груздочку и по точеному яблочку.

А Маланья как взглянула на нее, так и признала ее, что это смерть, — вскричала ей:

— Хорошо им со мной и без яблочек, а тебя бы лучше не было, и присохни ты на одном месте.

Та и присохла и не может оторвать ног от того места, где пристала, а Маланья ее сухим хворостом заслонила, чтобы не видать ее было.

И славно бы дело сделалось, да пошли от селения ужасные стоны и слезы: сильный слабого теснит и бьет без милости, и нет на злодея в жестоком сердце его никакой угрозы, и как были люди жестоки, то стали еще жесточе того, и приходят к Маланье всякий день столько несчастных, сколько она во всю свою жизнь не видала, и она уже не может помогать им, и слышит, как они плачут и смерть кличут: «Смертюшка-матушка, где ты заваялась! зачем мир покинула! приди, укрой нас от злодеев наших немилостивых — без тебя они зазнались без памяти!»

Тут Маланья ума хватилась.

— Это я, — говорит, — дура, все лихо наделала, захотела поправлять дела Божии — чему быть, а чему не быть сотворенному. И завяла смерть, а заслонена у меня кучкой хвороста.

— Ах, спусти ее, матушка, умиосердися! Ведь вот уже сто лет у нас ни одних похорон не было, и обессердечили люди жестокие, а мы состарелись, измаялись. Спусти ее и их убрать от больших грехов, и нас — от страдания.

И пошла Маланья, развалила хворост, а смерть-то так уж не румяною казачкой глядит, а как паутиночка, и коса у ней вся заржавела.

— Иди, куда тебя Бог послал! — сказала Маланья смерти: и та колыхнулась и поплыла к селу паутинкою по сжатому полю, и послышался вскоре погребальный звон, и перекрестились бедняки и вострепенулись богатые мужики.

— Мы, было, думали, — она навсегда кончилась, а вот она, как змея, из хворосту выскочила. Нельзя век лютовать и властвовать.

А убогие крестились и сами в гробы ложились.

— Устали, — говорят, — наши косточки — насилу дождались земли горсточки.

И обошла смерть все село за лесом и убрала все, что было нужно убрать, — а с другими вместе и Ерашку, и Живулечку, потому что было уже и безрукому, и безногой более чем по сту лет, а Маланья осталась жить и все живет, как прежде жила, и все то же делает, что и прежде делала, и все те умерли, кто звал ее «Маланьей-головой бараньей», и сама она это имя позабыла. И как смерть обойдет весь свет да придет к ней и спросит:

— Как тебя звать?

Она старается вспомнить и никак вспомнить не может и говорит:

— Не знаю — верно, мое имя переменялось. Смерть стала вопрошать; «как имя этой женщине?» А ей в ответ и упал с неба белый, как снег, чистый камень, как сердце обточенный, и на нем огнистым золотом горит имя: «Любовь».

Увидела это смерть и сказала:

— Ты не моя, — нет твоего имени в моем приказе: любовь не умирает: ты доживешь до тех пор, когда правда и милосердие встретятся, и волк ляжет с ягненокм и не обидит его.